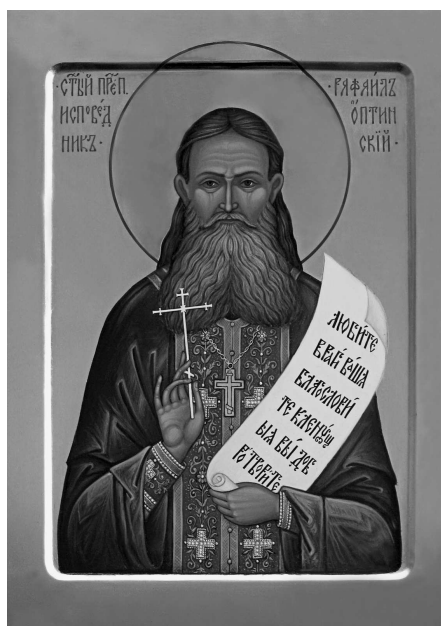

6 (19) июня

Преподобноисповедник Рафаил (Шейченко)

Преподобноисповедник Рафаил родился в 1891 году в слободе Великая Михайловка Новооскольского уезда Курской губернии* в семье малороссийского крестьянина Ивана Шейченко, занимавшегося сапожным ремеслом и переплетным делом, и в крещении был наречен Родионом. В 1906 году Родион окончил церковно-приходскую школу и поступил в земское училище, в котором проучился три года, и затем работал, как и отец, сапожником. В 1913 году он был призван в армию и здесь окончил военно-ветеринарную фельдшерскую школу; ему было присвоено звание унтер-офицера, и он был отправлен в 6-й уланский Волынский полк, где прослужил до демобилизации в 1918 году. Вернувшись с фронта на родину, Родион попрощался со всеми своими домашними и отправился в Оптиную пустынь, где уже не один раз бывал до того паломником и трудником.

Преподобноисповедник Рафаил

«Ранним майским утром, в расцвете "своей весны" подошел я к святым воротам Оптиной пустыни, – писал он из заключения в начале пятидесятых годов, уже вкусивши горечь страданий, предательств от своих и чужих, испив чашу послушания Христу в исповедническом подвиге, неся крест свой и в пору благодатной весны пастырского служения, и через зной терпения во узак оскорблений и поношений от врагов Христовых; все эти переживания, обновляя и утишая душу, радостно и молодо воскресали в воспоминаниях об Оптиной – трудноописуемом на земном человеческом языке луге духовном, где так недавно еще расцветали райские цветы чистых во Христе добродетелей. – Котомка

* Ныне село Великомихайловка Новооскольского района Белгородской области

странническая уже тяготила мои плечи, в руках у меня был мой долгий верный спутник – посох. Вокруг царила майская утренняя тишина, и весенняя прелесть пробуждающейся природы ласкала взор и радовала сердце. Щебетали радостно птички, благоухали начинающие расцветать вокруг монастыря фруктовые сады; где-то вдали, на берегу реки Жиздры, в зарослях разливались утренние, звучные трели соловья.

Раздался благовест монастырского колокола, зовущий на молитву к ранней Божественной литургии. Святые ворота обители уже были открыты. Богомольцы с умильными лицами спешили в святой храм.

Но не спешил войти только я. Какая-то сила удерживала меня. Я остановился у святых ворот, погруженный в думу, как "тот путник" – русский богатырь, на распутье дорог.

Да, было над чем призадуматься и мне, было, что решить, и решить навсегда и безвозвратно.

Ведь я шел в эту славную Оптину пустынь, в колыбель духовного окормления богомудрых старцев и духоносных отцев не только помолиться, но "поселиться"...

Я нес сюда, к честным стопам старцев, а паче к подножию Святого Креста Христова, свою волю, свою юность и жизнь. Я шел сюда – умереть для мира...

От дней детства я всей пылкостью чистой юной души любил и жаждал святого иноческого жития. Оно было мечтой детства и усладой юности моей.

И вот я стоял у преддверья желаний моих... Душа моя рвалась войти. Но ин голос, голос юности и плоти, горце зывал ей: куда ты влечешь меня? Там вдали оставлены тобою престарелые родители. Еще не высохли слезы матери твоей, проводившей тебя в далекий путь, благословившей тебя святым крестом с груди своей. Она ждет благополучного твоего возвращения и радостной встречи. Там ждут тебя кровные братья, там ждут любившие тебя юноши, друзья и девы. Там ждет в тоске та, которую чисто любил о Господе... Тело твое молодо и слабо...

А тут, за прагом сим, на всю жизнь ждут тебя подвиги самоотвержения, подвиги, кроме физических трудов, еще неведомые тебе, непонятные и неведомые миру, подвиги абсолютного послушания, смирения, поста и молитвы. Жизнь хождения как бы пред лицом Самого Бога, в Боге и для Бога.

Куда ты ведешь меня?!

Так зывала ко мне юность. Так вопияла во мне "плоть и кровь". Но и порывы души моей не унимались. Душа рвалась – туда, за "святой порог". Она готова была на все жертвы труда и подвига. Она готова была – хоть на смерть. Она зывала со святым царем – пророком Давидом: "Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое!" [Пс. 56, 8].

И в эти минуты борьбы "духа с плотью" я возвел свой взор души туда, горе – к Тому, Кому я вверял свою жизнь и спасение, Кому ведомы пути вхождения моего и исхождения...

Я зывал о помощи Его благодатной, я зывал воплем души моей: "Боже! Изведи из темницы суеты и страстей душу мою, исповедатися Имени Твоему и славить Тя Единого во веки!" И в это время внимание мое и взор были обращены на лестницу, ведущую от святых ворот к самому входу собора, которая постепенно возвышалась.

"Таков здесь путь твой, путь духовного восхождения до входа твоего во врата Горняго Небесного Иерусалима", – сказал мне внутренний голос мой... А над святыми воротами во весь рост человека возвышался Ангел: в одной руке

он держал большой святой крест, как символ страдания, а в другой – венец, как символ награды и славы...

Слова святого Евангелия, как некий Божественный свет, озарили мой разум и, как острие меча, уязвили истиной слов Богочеловека мое сердце: "Аще кто хочет по Мне идти да отвержется себя и возьмет крест свой, и по Мне грядет" [Мф. 16, 24]... "Аз есмь путь, истина и жизнь" [Ин. 14, 6].

Путь на небо всякому последователю Христа, а наипаче иноку, – предлежит только через голгофу, с крестом в руках, с крестом на плечах.

Сим путем восшел в горня и Он – Сын Божий, сияние славы Отчей, на Кресте Своими страданиями и смертью совершил искупление рода человеческого и Своим живоносным воскресением совоскресил его, даровав ему новую жизнь и спасение. Других путей туда, на небо, нет, все другие пути ведут в другие, страшные, адовы места...

Без креста – нет венца!

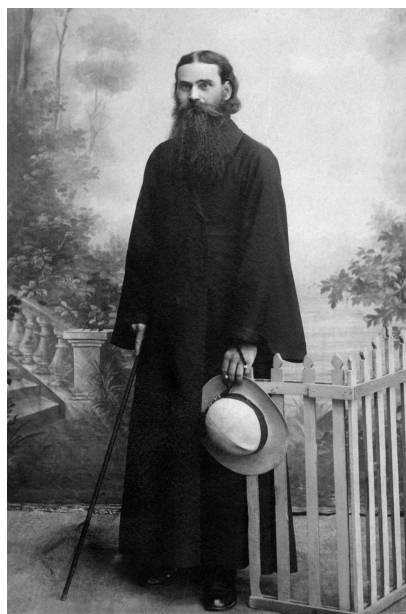
Я переступил благоговейно святой порог обители – и... взял святой крест, сказав: "Се покой мой – zde вселюся в век века! [Ср. Пс. 131, 14]. Кресту Твоему поклоняюсь, Владыко!"¹.

26 августа 1918 года Родион был принят в число послушников Оптиной пустыни. В монастыре он нес послушания ветеринарного фельдшера и клиросное.

В 1918 году начались гонения на Русскую Православную Церковь, и Оптина пустынь была закрыта, – ненавистен был новым безбожным властям монастырь, крепко державшийся святоотеческих преданий, научающий русских людей духовному видению, невзирая, из дворянского ли они вышли сословия или из крестьянского. Советская власть преобразовала монастырь в племенное хозяйство, но при этом братия осталась на месте, и ей не запретили совершать уставное монастырское богослужение. В племенном хозяйстве Родион продолжал трудиться в качестве ветеринарного фельдшера. В 1923 году безбожники окончательно закрыли обитель, и братии пришлось покинуть монастырские стены. Монахи поселились в городе Козельске на частных квартирах. Послушник Родион стал зарабатывать на жизнь сапожным ремеслом.

В 1928 году оптинский иеромонах Макарий (Чиликин) по благословению епископа Малоярославецкого, викария Калужской епархии, Стефана (Виноградова) постриг послушника Родиона в мантию и нарек ему имя Рафаил в честь архистратига Божия Рафаила, целителя человеческих недугов. В том же году епископ Масальский, викарий Калужской епархии, Герман (Вейнберг) рукоположил его во иеродиакона и возвел в сан архидиакона; десять месяцев отец Рафаил пробыл при епископе в качестве келейника и архидиакона на архиерейских службах. В 1929 году епископ Герман был назначен на самостоятельную кафедру; ему понравился ревностный оптинский монах, и он стал уговаривать его отправиться с ним в Алма-Ату, но душа отца Рафаила уже крепко была связана с Оптиной, и он отказался, вернулся в Козельск и поступил служить в Георгиевскую церковь. Служение среди наступивших гонений не было безмятежным – и в феврале 1930 года он был принудительно мобилизован на лесозаготовки.

В 1930 году усилились гонения на Русскую Православную Церковь, и ОГПУ приняло решение арестовать группу оптинских монахов. Кроме обвинения в антисоветской агитации, монахов обвинили в подстрекательстве крестьян к восстанию при беспорядках, случившихся в Козельске на Духов день 9 июня 1930 года².

Архидиакон Рафаил

18 августа 1930 года, накануне праздника Преображения Господня, было арестовано сорок монахов и мирян и среди них архидиакон Рафаил. Так было положено начало несения им креста Христова во узах. Отец Рафаил был допрошен сразу же после ареста, — все вопросы сотрудника ОГПУ касались исключительно его биографических данных как оптинского монаха.

2 сентября его снова вызвали на допрос; отвечая на вопросы следователя, он сказал: «Виновным себя не признаю... Ни в какой контрреволюционной группе не состоял и работы, направленной против советской власти, не вел... Руководство духовной жизнью братства шло путем исповеди духовников. На базаре... на Духов день в городе Козельске я не был, находился дома и поэтому, что было на базаре, не знаю, да и как общее правило на базары я не хожу. Бывших торговцев, арестованных и находящихся со мной под стражей, знаю всех; как житель города Козельска, иногда с ними встречался, но в их домах я не был...»³

Были допрошены свидетели, и в частности хозяйка квартиры, где жил архидиакон Рафаил; она показала: «Из бесед с Рафаилом знаю, что последний является ярым, закоренелым монахом с присущими им старыми взглядами»⁴.

В октябре 1930 года следствие было закончено и составлено обвинительное заключение, в котором сотрудники ОГПУ в полном несоответствии с действительностью написали: «В августе 1930 года Сухиническим... ОГПУ в городе Козельске... было выявлено наличие монашеско-монархической контрреволюционной группы, охватывающей своим влиянием как население города, так и смежных деревень.

Было известно, что контрреволюционная группа ставит перед собой задачи непосредственной борьбы с советской властью и реставрацию монархического строя...»⁵

27 ноября 1930 года тройка ОГПУ приговорила архидиакона Рафаила к десяти годам заключения, и он был отправлен в Вишерский исправительно-трудовой лагерь, располагавшийся в поселке Вяжиха Уральской области*. В 1934

* Ныне город Красновишерск Пермской области

году архидиакон Рафаил был переведен в исправительно-трудовой лагерь в город Дмитров Московской области; здесь он работал ветеринарным фельдшером при животноводческой ферме совхоза «Ермолино». Ферма занималась свиноводством; жил отец Рафаил в одном из пустых загонов для свиней и от великого недостатка в пище питался тем, что давалось свиньям; и это еще была большая удача и милость Божия, так как другие заключенные не имели и такого дополнения к своему скудному рациону.

Находясь в лагере, отец Рафаил не скрывал своей веры, ему во время свидания передали Евангелие, молитвослов, икону, а поскольку жил он в свинарнике отдельно, то и мог беспрепятственно молиться, приглашая иногда к себе некоторых из заключенных собратий. Он был в дружеских отношениях со многими своими союзниками, к нему довольно часто приезжали монахини Шамординского монастыря и знакомые из Козельска. По своему служебному положению он мог беспрепятственно ходить по поселку. Летом однажды он шел со знакомой, приехавшей к нему на свидание. Навстречу им шла группа заключенных уголовниц, возвращавшихся с работы. Поравнявшись с отцом Рафаилом и его спутницей, они смиренно поклонились ему и поприветствовали: «Здравствуйте, батюшка!»

Из лагеря отец Рафаил писал знакомым; некоторые письма не доходили до адресатов – они забирались оперуполномоченным НКВД, который в конце концов счел, что оптинский монах ведет слишком активную религиозную жизнь, и принялся собирать материалы для его ареста.

Среди текстов, которые были поставлены впоследствии отцу Рафаилу в вину, были и стихи известной помощницы многим, во узлах находящимся, Татьяны Гримблит*, с которой отец Рафаил был одно время в Вишерском лагере. Стихи, написанные Татьяной в девятнадцать лет, настолько поразили отца Рафаила и настолько оказались созвучны его собственному настроению, что он выучил их наизусть, лишь немного переиначив⁶.

21 июня 1936 года оперуполномоченный Дмитлага НКВД направил рапорт начальнику 3-го отделения, в котором писал: «Доношу, что зека Шейченко... на протяжении продолжительного времени ведет контрреволюционную агитацию. Прошу Вашего распоряжения о привлечении его к уголовной ответственности...»⁷

В тот же день у отца Рафаила был произведен обыск и отрывки из писем и стихи, найденные у него, были представлены как вещественные доказательства преступления против государства, которые он пытался будто бы скрыть, имея намерение передать их на сохранение союзнику.

– Скажите, Шейченко, были ли вы в квартире у Белова** и сколько раз? — спросил его следователь.

– У Белова в квартире я был два раза: первый раз он меня пригласил посмотреть больную его ногу, и второй раз, когда я услышал, что меня хотят арестовать, я носил ему свою корзину с бельем на сохранение, но он не взял.

– Скажите, Шейченко, вы просили Белова спрятать какие-то секретные документы и откуда они у вас появились?

– Белова я никогда не просил спрятать какие-то документы, и их у меня никогда не было.

* Мученица Татиана (Гримблит); память 10/23 сентября.

** Заключенный того же лагеря.

– Скажите, Шейченко, что же вы прятали у Белова в квартире?

– Прятал я только Евангелие, молитвенник и крест, какой-либо переписки я не прятал; прятал я потому, что я думал, что у меня будет обыск и меня арестуют.

– Скажите, Шейченко, что вы говорили 2 мая... когда вы сидели в совхозе на лавочке?

– Я говорил, что сейчас старый украинский язык резко изменился, ибо в украинский язык и литературу много внесли из Галиции, и теперь его трудно понять. Раньше же украинский язык был гораздо легче и свободнее, чем теперь.

– Скажите, Шейченко, признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю и по существу дела показываю, что я никогда нигде не вел контрреволюционной агитации.

13 сентября 1936 года состоялось закрытое заседание Московского областного суда по делам Дмитлага НКВД в составе председательствующего, двух членов суда и секретаря; суд в приговоре записал: «Виновным себя подсудимый не признал, но преступление доказано как материалами дела, так и свидетельскими показаниями, а потому суд, учитывая личность подсудимого и условия лагерной обстановки... приговорил... к лишению свободы сроком на шесть... лет, с поражением в правах на пять лет и направлением для дальнейшего отбывания в отдаленные северные лагеря»⁸.

Архидиакон Рафаил был отправлен сначала в город Мурманск, а через четыре года переведен в Усольлаг в городе Соликамске Пермской области.

18 ноября 1943 года отец Рафаил был освобожден из заключения, но ему не разрешили жить в Козельске, и он поселился в городе Кирсанове Тамбовской области у верующей старушки; здесь он прожил около полугода, когда хорошо знавшие его люди стали настойчиво приглашать его в Козельск, и он переехал туда в апреле 1944 года.

1 октября 1944 года митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) в Успенской, что в Гончарах, церкви в Москве рукоположил архидиакона Рафаила во иеромонаха и назначил, согласно просьбе двадцатки, настоятелем Благовещенской церкви в городе Козельске. С этого времени началась его многотрудная пастырская деятельность.

Церковная жизнь в то время в Козельске, как и везде в России, была в большом утеснении: на одного священника приходилось не менее десятка гонителей из сотрудников советских учреждений и осведомителей МГБ; храмы были полуразрушены немецкими и советскими властями, используя немецкими – под конюшни, советскими – под склады. Храм Благовещения, как и многие другие, был сильно поврежден, и отец Рафаил, тратя много сил на его восстановление, стал служить в наскоро отремонтированном приделе. Поскольку строительную технику достать тогда было невозможно по недружелюбству властей, то строить приходилось вручную. К 1949 году храм усилиями отца Рафаила и прихожан был почти восстановлен и в храме поставлен иконостас.

Пастырь добрый, отец Рафаил, помогал многим нуждающимся; в Козельск из ссылок и лагерей стали в то время возвращаться шамординские монахини; претерпев узы, многие из них стали немощны, и отец Рафаил старался их жизнь обустроить. Дверь его кельи была открыта для всех, для каждого находилось утешительное слово, а в случае необходимости и материальная помощь. Верующие, ища духовной поддержки и совета, стали обращаться к нему как к

духовнику, со многими у него завязались близкие духовные отношения, которые нашли свое отражение в письмах.

Иеромонах Рафаил. 1947 год

«Родная моя Татиана Федоровна, мир Вам и спасение от Господа! – писал отец Рафаил. – Господь, кого хочет привести к Себе, к познанию Себя, тому Он посылает непрестанно скорби, а особенно когда в этой душе есть хотя закваска христианской добродетели, но эта душа, влекомая всяческими немощами, тянется к земле, заражается миролюбием. Бог баче з неба – кому чого треба! То, что все мы кратковременные странники на земле, есть осязательная истина, – то, что все наше бытие на земле меньше, чем мгновение, ничтожнее, чем росинка сравнительно с океанами вод, – так ничтожна наша жизнь сравнительно с вечностью. То, что мы обращаем так мало внимания на эту вечность, забываем ее, есть верный признак нашего падения не только в теле, но еще больше в уме, в сердце. Познание Бога, познание себя – есть истинная мудрость, истинное сокровище, истинное счастье человека на земле»⁹.

«Христос воскрес! Хорошая моя дочка Валя!

Пока жив есмь, благополучен, а прочее представлю воле Божией – Ему да будет слава за все, что ни случись. Он Бог, Он Творец и знает, что кому необходимо и полезно, а по воле Его и во аде не будет плохо – ибо ад перестает быть адом.

Человеку же, лишившемуся благодати Божией, изгнавшему из души своей Бога неверием, ожесточением, и Рай будет адом, ибо он принесет в Рай – ад в душе своей.

Царство Божие начинается здесь, на земле, так же как и ад – внутрь нас, т.е. в сердце, в душе человека, его образом жизни, – за прагом вечности только растет то и другое – беспредельно, до ангелоподобия и дьявольского.

Хочу, чтобы Господь сподобил вас Своей милости, о сем за вас всех и молюсь у Святого Престола Божия»¹⁰.

«Милая дочка Валя! Мира, здоровья и спасения отечески желаю тебе! Тебе, наверное, неизвестно, что я после Пасхи два месяца был болен смертельно; после святого соборования я стал поправляться. Скорби и болезни – наш земной удел: в них мы, как золото в горниле, очищаемся от всякой ежедневной примеси греховной, ими совершенствуется, закаляется дух, укрепляется вера и сознание своего ничтожества, бессилия, своего кратковременного пребывания на земле.

Скорбями и болезнями, как бы устами святых пророк, Господь нам говорит-напоминает: опомнись, человек! – не засмотришься, не увлекайся, как малое дитя, игрушками – скоро гибнущими прелестями мира сего. Ты на земле путник мгновенный, жизнь твоя – краткий сон. Там, за порогом твоей могилы, ждет тебя вечность. Ты венец творения на земле. Ты отблеск Божества, душа твоя бессмертна – вечна, как вечен ее Творец. Живи разумно, человечно. Постарайся приготовить себе место там... достойное твоего звания. Твое назначение Небо – Рай. Твое сообщество там – ангелы и все святые!!!

Рад, что обещаешь выполнить мои советы – они искренни, как отца любимому дитяти. Будешь меньше волноваться на мелочах. Окрепнет твоя нервная система и организм. И в семье будет мир и отрада... Живите же мирно, и да благословит вас Господь счастьем и всеми благами!

Валя! Особенно на тебе лежит долг воспитания деток – направляй их ум и волю к честности, добру и правде. Ты мать. Ты первая увидела их улыбку, ты первая услышала их лепет, первое и радостное для тебя слово: мама!

Твое матерински нежное, чуткое сердце лучше всякого "психолога" и "психиатра" способно уловить-подметить все движения их ума и сердца и всё направить на верный, благой путь. Отец есть только дисциплина. Только умелое воспитание детей матерью дало миру великих людей.

Будьте безукоризненными для них, примером в своей жизни, во всех действиях и словах. Дети – это тончайшая фотопленка, на которой быстро и неизгладимо запечатлевается все. Жалуются многие родители на детей своих. Давай, дорогая, об этом помнить»¹¹.

Иеромонах Рафаил в Благовещенской церкви г. Козельска

В апреле 1948 года в Благовещенский храм в Козельске был назначен священником Сергей Георгиевич Шумилин. Его деятельность была непосредственно связана с деятельностью архиепископа Смоленского Василия (Ратмирова)¹². В мае 1943 года община закрытого в 1937 году Преображенского храма в селе Нижние Прыски Козельского района, входившего тогда в состав Смоленской области, возбудила ходатайство об его открытии. Началась обычная в этих случаях бюрократическая переписка, в которой вполне проявилось нежелание властей передавать общине храм. В начале июня того же года представителями общины было послано еще одно заявление, а в июле следующее. 13 декабря власти переправили заявление верующих архиепископу Василию с вопросом: «Подтверждаете ли Вы это ходатайство или считаете возможным отклонить его?»¹³ – спрашивали они его как старого сотрудника советской власти. И уже на следующий день, 14 декабря, архиепископ Василий выдал Сергию Шумилину указ о назначении его настоятелем Преображенской церкви. Впоследствии у правящих архиереев Калужской епархии не раз возникали сомнения в правомочности его священства, которые он так и не сумел развеять¹⁴. После перевода Сергея Георгиевича в Благовещенский храм, многие прихожане стали опасаться его и даже бояться, его присутствие навевало на некоторых ужас, так как они связывали его личность со страшной аббревиатурой «МГБ». Однако необходимость вести доверительные отношения не только с властями, но и с прихожанами, и осознание того, что этого пути придется держаться в течение всей жизни, выработали у него елейно-ласковый тон общения, и в памяти некоторых он остался человеком вежливым, обходительным и «христиански» настроенным.

26 октября 1948 года Министерство государственной безопасности и Генеральная прокуратура приняли директиву об аресте возвратившихся из заключения священнослужителей, если те продолжали вести активную церковную деятельность. С этого времени установилась особенно тщательная слежка за отцом Рафаилом: слушались его проповеди, обращалось внимание на всю его строительную, благотворительную и духовническую деятельность; его стали часто вызывать в местное отделение МГБ. Агентом был его сослуживец по храму, и посему вся деятельность отца Рафаила освещалась перед МГБ подробнейшим образом; через агента он оказался лицом к лицу с карательной машиной, против которой были бессильны все земные средства, и необходимо было во что бы то ни стало сохранять внутренний мир, памятуя Евангелие и отношение Христа к врагам и предателям, памятуя, что все скорбные обстоятельства и страдания преподаются хотя и через людей, но все же Господом; не сотрудники госбезопасности, как враги внешние, и не предатели, как враги внутренние, его мучают, а Христос тянет его за руку в Царство Небесное, призывая к деятельной любви и к тем, и к другим, подает еще на земле чашу горьких страданий, чтобы, испив ее до конца, он смог вкушать сладости Неба. Что тебе мучители твои и предатели церковные, которые тебе попущены Богом как тяжкая болезнь за твои грехи, – этой чаши, если хочешь спастись, не избудешь, – ты лишь смотри за собой и напивайся среди бурь житейских миром духа Христова, чтобы тебе хватило и самый подвиг перенести со смирением и получить в награду паки смирение.

В 1940-х годах безбожники по образцу 1930-х стали произвольно увеличивать налоги на храмы, и в начале 1948 года иеромонах Рафаил, церковный староста и помощник старосты направили уполномоченному Совета

по делам Русской Православной Церкви по Калужской области жалобу на непосильность этих налогов. Жалоба была переслана в финансовый отдел Калужской области, который, однако, признал сумму налогов справедливой и жалобу отклонил. В том же году священник, староста и помощница старосты направили уполномоченному еще четыре жалобы на неправильное обложение налогами, но и на этот раз их жалобы были отклонены.

На третий день Пасхи 1948 года отца Рафаила вызвали в Козельское отделение МВД. Он полагал, что его вызывают по поводу произнесенных им проповедей, но услышал там, что «он не имеет права ходить по домам по приглашению верующих в праздник Пасхи, в престольные праздники»¹⁵, ему было поставлено также на вид, что он незаконно совершает похороны, сопровождая погребальные процессии до кладбища.

Весной 1949 года староста Благовещенской церкви, Наталья Александрова, стала жаловаться властям, что отец Рафаил отстранил ее от свечного ящика, поручив заниматься материальной стороной дела монахине, причем предыдущему старосте, мужчине, платили больше, а когда она попыталась добиться повышения зарплаты, отец Рафаил ей на это ответил, что мужчине-старосте, да еще дельному, он бы и еще больше платил¹⁶. Об этой жалобе стало известно приходу, причем верующие были убеждены, что это не кто иной, как священник Сергей Шумилин, убедил Наталью жаловаться уполномоченному.

Телеграммой от 9 июля 1949 года отец Рафаил был вызван к уполномоченному по делам Русской Православной Церкви в Калугу. 11 июля он вошел в кабинет уполномоченного и здесь был арестован и затем заключен в калужскую тюрьму; в доме священника, в Козельске, в тот же день был произведен обыск. После ареста отца Рафаила Сергей Георгиевич Шумилин был назначен настоятелем Благовещенской церкви; одним из первых его действий стало увольнение старосты Натальи, которой он заявил, что, по сведениям уполномоченного по делам Русской Православной Церкви по Калужской области, она «посадила настоятеля Шейченко, – нам такие старосты не нужны...»¹⁷.

Наталья сочла это увольнение несправедливым и обратилась с жалобой к уполномоченному. «Я хочу у Вас спросить конкретно, – писала она, – по какой причине я уволена священником Сергием; Вы считаете – законно он меня уволил, я к Вам обращаюсь, как к уполномоченному; Вы мне не ответили – что же Вы хотите, чтобы я на Вас жалобу писала в Москву Генеральному прокурору: придется все описать, если Вы так делаете, не по-братски относитесь ко мне... Я не жаловалась как на своего человека, как на брата, а теперь Вы меня вынуждаете; если отцу Сергию жить надо, то мне тоже; если ему я не по душе пришлась, это не причина: за оскорбления пусть жалуется, но не снимает»¹⁸.

14 июля калужский уполномоченный сообщил председателю Совета по делам Русской Православной Церкви Карпову*, что «11 июля органами МГБ арестован священник церкви города Козельска Шейченко...»¹⁹.

Допросы отца Рафаила начались сразу же после ареста; сотрудники МГБ рассчитывали ошеломить его внезапно и добиться от него поспешных и неосторожных ответов.

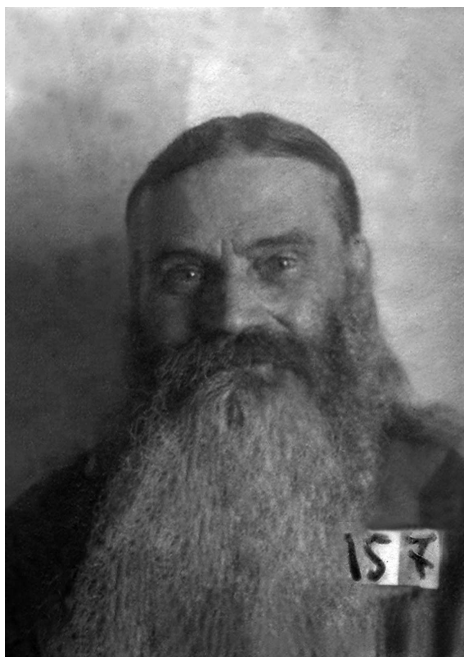
– Расскажите, с кем вы поддерживали письменную или другого характера связь? – спросил его следователь.

* О нем см. подробно: Жития новомучеников и исповедников Российских XX века, составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Апрель. Тверь, 2006. С. 332.

– Многих лиц, которые мне писали, я не знаю фамилий, так как эти лица обращались ко мне только за духовными наставлениями, каялись в грехах, а также интересовались состоянием... монастыря Оптиная пустынь. Я в свою очередь, по долгу своего служебного положения и звания священнослужителя, давал письменные ответы.

– Известно, что вы, рассказывая верующим об иконе «Троеручица», высказывали клеветнические измышления на советскую действительность. Признаете это?

– Об иконе «Троеручица» я говорил верующим в проповеди. Рассказывая о жизни Иоанна Дамаскина в Палестине, я говорил, что Иоанн был первым сановником и любимцем калифа – несмотря на то, что Иоанн являлся христианином, а калиф магометанином, истреблявшим беспощадно всех христиан в Дамаске. Иоанн жил в роскошном дворце и одевался в богатую восточную одежду. Оклеветан... в измене калифу, за что калиф приказал отрубить Иоанну правую руку. Далее я говорил, как Иоанн изливал свою скорбь перед иконой Божией Матери и приложил отрубленную руку, которая приросла. В знак благодарности Божией Матери Иоанн отлил серебряную руку и повесил перед иконой, за что эта икона Божией Матери называется «Троеручица».

*Иеромонах Рафаил.
Калужская тюрьма. 1949 год*

– В этой своей проповеди вы, сравнивая жизнь Иоанна с советской действительностью, высказывали клеветнические измышления на материальное благосостояние трудящихся в СССР. Так было?

– Я говорил, что мы не можем представить себе той восточной древней роскоши, которой окружали себя... восточные правители, однако никакого сравнения с материальным благосостоянием трудящихся в СССР... я не проводил.

– В сентябре 1948 года вы, рассказывая верующим о мученицах Вере, Надежде и Любви, допускали в своем выступлении клевету в части материальной необеспеченности советского народа. Признаете это?

– О мученицах Вере, Надежде и Любви я рассказывал верующим... После этого рассказа я делал вывод, что мы далеки от веры в Христа и мужества и что вера у нас оскудела. Однако о необеспеченности в материальном отношении советского народа в своем выступлении я не говорил.

– В марте 1949 года вы у себя в квартире среди окружающих говорили о государственных платежах, с враждебных позиций истолковывая политику советской власти по отношению к духовенству, утверждали об отсутствии демократических свобод в Советском Союзе и допускали клеветнические выпады по адресу Патриарха. Так было?

– Весной 1949 года, примерно в марте, священник церкви села Нижние Прыски, вернувшись из Калуги, зашел ко мне на квартиру вместе со старостой этой же церкви, фамилий их не помню. Священник по имени Матвей хотел снова ехать в Калугу и разобраться в части налогообложения. Я спросил... был ли он в Калуге и обращался ли к епископу по поводу налогообложения, а также обращался ли он к благочинному... и уполномоченному по делам Церкви при Калужском облисполкоме. Священник... мне пояснил, что якобы епископ, благочинный, а также и уполномоченный ничего определенного, существенного по этому вопросу ему не сказали. После этого я сказал, что я также обращался по поводу налогообложения к уполномоченному по делам Церкви... он никаких решительных мер не принял по существу моего заявления, также не было принято мер по моему заявлению со стороны благочинного и епископа. Затем я заявил, что к кому же нам обращаться и от кого нам ждать помощи, если наше начальство равнодушно к нашим просьбам. Я священнику Матвею сказал, что уполномоченный по делам Церкви, благочинный, тем более епископ, если бы они пошли в областной финансовый отдел, то могли бы сделать очень многое в нашу пользу. Это высказывание мое поддержал и священник Матвей. Однако присутствовавший при нашем разговоре священник Сергей Шумилин заявил, что «это не дело епископа». На что я ответил: «В чем же тогда заключается управление, руководство епархией, духовенством, разве только что разъезжать и служить в митрах?..» О Патриархе в это время никакого разговора не было. Я также не говорил об отсутствии демократических свобод в Советском Союзе.

– Следствием установлен ряд фактов антисоветской работы, проводимой вами: вы, обращаясь к верующим за денежной помощью, клеветали на мероприятия коммунистической партии и советского правительства. Так ведь было?

– Весной 1949 года я обращался к верующим и говорил, что на нас, священников, наложен налог непосильный, который мы не в состоянии уплатить из тех доходов, которые имеем. Если не сократят эти налоги, то, возможно, придется отказаться от службы. Я-то один, а у отца Сергия все-таки семья. Церковный совет должен помочь нам, так как ему известно, что у нас доходы не такие, как об этом доносят в районный финансовый отдел.

– Вы утверждали, что государство церковь закроет и имущество священников будет распродано?

– Этого я не говорил. Я заявлял, что церковный совет должен разоблачить злостных доносчиков и клеветников, которые ходят в церковь и по злобе доносят на нас в финансовые органы, тогда как в действительности мы не имеем таких доходов, о которых донесено в районный финансовый отдел. Антисоветского содержания в моих высказываниях не было.

– Следствию известно, что вы в одной из своих проповедей о древних философах утверждали, что в настоящее время нет таких талантливых ученых, какие были раньше. Отсутствие талантливых ученых в настоящее время вы объясняли тем обстоятельством, что сейчас ученые не верят в Бога. Это было?

– Я говорил в проповеди о Василии Великом, Иоанне Златоусте и Григории Богослове. Все трое были дети знатных и богатых родителей. Получили в то время классическое высшее образование... Несмотря на свой знатный род, богатство, славу и любовь окружающих, они проводили высоконравственную, целомудренную жизнь, не предавались языческим игрищам и разврату. Они, по их словам, знали только две дороги: одну дорогу в храм, а другую в училище. Закончив образование, они вступили на путь служения Богу, несмотря на то, что им открывалась широкая дорога по светской карьере. Поэтому они явились великими светильниками веры Христовой, имя их будет читаться во все века до скончания мира. Достаточно того, что Василий называется Великим по своей вере и благочестию, велик он был по уму, по образованию, по стойкости церковной как архипастырь. Слово «Златоуст» усвоено Иоанну как непревзойденному оратору Церкви древних веков и до настоящих дней. В части Григория Богослова я говорил, что он проник своим благодатным великим умом в тайны богословия, богословствуя о Святой Троице. Обращаясь к верующим, я говорил, что возвела этих святых на высоту духовную благочестивая жизнь их семей, высоконравственная и целомудренная. Я призывал родителей, чтобы они служили примером для своих детей, как родители Василия Великого, Иоанна Златоуста и Григория Богослова. Я утверждаю, что с моей стороны не делалось никаких сравнений с советской действительностью, с советскими учеными тех ученых, о которых я говорил в проповедях.

После допросов свидетелей были проведены очные ставки с ними отца Рафаила.

– Рафаил Шейченко, будучи священником в Козельской церкви, читая верующим проповеди, уклонялся от религиозного писания, говорил то, чего нет в религиозном писании, – заявил во время очной ставки свидетель. – Он увлекался проповедями. Примерно в июле 1948 года в моем присутствии Шейченко проповедовал об иконе «Троеручица». Говоря о том, что Иоанн пользовался большим авторитетом у калифа и являлся хорошим, честным человеком, Шейченко заявил, что Иоанн одевался в богатую одежду, чего мы сейчас не можем себе представить и не имеем возможности посмотреть. Иоанн жил в необыкновенных домах, какие сейчас не смогут построить, несмотря на то, что мы кичимся своей стройкой. В сентябре 1948 года Шейченко рассказывал о мученицах Вере, Надежде, Любви и их матери Софии; в конце своей проповеди он заявил: «Несмотря ни на какие мучения, ни сёстры, ни мать от Христа не отказались, сколько их ни уговаривали и чего им ни предлагали в смысле материального обеспечения.

А в настоящее время, какие вы стали христиане? – за любые пустяки откажетесь от Бога. Если вам дадут лепешку белого хлеба и пол-литра масла, то вы откажетесь от Бога. Иная мать скажет своей дочери: "Ну, дочка, теперь время такое, ты молода, тебе надо жить"».

– Вы подтверждаете показания свидетеля? – спросил отца Рафаила следователь.

– В июле 1948 года я действительно говорил проповедь об иконе «Троеручица», однако свидетель об этом факте показывает не совсем точно.

В своей проповеди, о содержании которой я показал на предыдущих допросах, мною мысль проводилась та, что Иоанн Дамаскин, несмотря на то, что был окружен восточной роскошью и пользовался любовью калифа, отказался от всего, пошел в монастырь, чем проявил необыкновенную любовь к Богу и мужество. Что касается стройки, то я говорил, что, несмотря на то, что у нас гигантская стройка, такой восточной роскоши мы не представляем. В сентябре 1948 года я говорил проповедь о мученицах Вере, Надежде, Любви и их матери Софии. В конце своей проповеди я заявил, что ни сестры, ни мать от Христа не отказались, несмотря ни на какие мучения. Я говорил: «Какое было мужество, какая вера, а сейчас у нас вера оскудела, нет такого мужества; мы сейчас от веры откажемся за кусок хлеба и литр масла».

Другая свидетельница на очной ставке сказала:

– В марте 1949 года Шейченко с амвона Козельской церкви выступил перед верующими и заявил, что на церковь и священников наложен непосильный налог... в связи с чем могут закрыть церковь; в отдельных местах церкви уже закрываются. В это время какая-то женщина крикнула: «Терпите, батюшка, на нас тоже накладывают большие налоги». В это же время Шейченко говорил: «Чтобы выплатить налог, может быть, придется продать свое имущество». В мае 1949 года говорил в своей проповеди о том, что нет дождя, потому что погрешили перед Богом, мало молимся, не каемся, поэтому и живем плохо... Шейченко говорил верующим, что когда сыпались бомбы, то все крестились и молились, а как самолеты улетели, так и про Бога забыли.

– Показания свидетеля в этой части вы подтверждаете? – спросил священника следователь.

– В части налогов я говорил верующим, что на нас, священников, наложен непосильный налог, и выплатить мы его не сумеем, а поэтому возможно придется отказаться от службы. Если мы, священники, откажемся от службы, то церковь могут закрыть. В отдельных местах, в частности в Малоярославце, церковь закрыли, так как священник отказался от службы вследствие непосильных налогов. Я призывал церковный совет разоблачить клеветников и доносчиков, так как некоторые лица ходят в церковь, а потом доносят на нас в районный финансовый отдел о таких доходах, которых в действительности у нас нет. Я также говорил, что у священника Сергия семья, поэтому ему будет трудно уплатить такие налоги. Что касается продажи имущества, то я об этом ничего не говорил. Я призывал верующих служить молебен о дожде... Не отрицаю, что я говорил верующим о том, что все бедствия нам даются вследствие того, что мы мало молимся, вера у нас в Бога оскудела, много грешим и не каемся, поэтому плохо живем.

12 сентября было составлено обвинительное заключение. Отца Рафаила обвинили в том, что он, «будучи враждебно настроен к существующему в СССР общественному и государственному строю, с церковного амвона... и в беседах... проводил антисоветскую агитацию. Принимая во внимание, что Шейченко... среди отсталых верующих и монашеского элемента пользуется большим авторитетом, что во время судебного следствия по его делу может вызвать большое и нежелательное скопление верующих у здания суда и возможность провокационных разговоров... с их стороны, поэтому следственное дело... по обвинению Шейченко направить на рассмотрение Особого Совещания при МГБ СССР»²⁰.

12 ноября 1949 года Особое Совецание приговорило отца Рафаила к десяти годам заключения в исправительно-трудоу лагерь; 26 ноября ему было выписано направление в Вятлаг. 30 декабря, перед тем как отправляться в очередной крестный путь, отец Рафаил духовным детям написал:

«Слава Богу за все! Дорогие, родные мои!

Земно кланяюсь и целую... Братски-сердечно приветствую вас и всех прочих ближних и дальних, ненавидящих и обидящих мя. Прощаю всех перед Господом в сердце моем. Пишу из Москвы, с места сообщу адрес. Укрепляем благодатию, сравнительно здравствую, а паче благодушен о Нем и покорен о Нем даже до смерти... Благодарю за любовь и заботу всех... Прошу у всех прощения и святых молитв. Поздравляю с праздником Рождества Христова.

Слава Богу за все! Грешный Рафаил. Без этой скорби жизнь моя была бы не полна»²¹.

Близкие к отцу Рафаилу прихожане были убеждены, что в его страданиях повинны ставший настоятелем Сергей Шумилин и бывшая староста храма Наталья Александрова, – отец Рафаил, однако, советовал отказаться от поисков виноватых и врагов, а если таковые и были, то благословить их и молиться за них, а никак не недовольствоваться ими и не ругать.

Прибыв в лагерь на станцию Фосфоритная Койского района Кировской области, отец Рафаил стал получать письма от духовных детей и писал им в ответ:

«Читал письма твои и Анночки, хочется сказать вам: дети, вы ведь не Марфы, а Мариин, ваши пути совсем иные. И Господь, яко чадолюбивый Отец, ведет вас не по вашему, а по Своему пути, хотя и не посреди роз и веселий, а посреди колючих терний и горестей, но ко вратам Царствия Небесного и вечного блаженства. Будем же, дорогие мои, не только терпеливы и мужественны в скорбях, но паче благодарны спасающему нас Господу, не оставляющему нас на путях широких, но гибельных»²².

«Детка Тоня! А за то, что ты носишь в сердце своем "змею" неприязненного чувства к отцу Сергию и даже, как ты пишешь, "не простила и, наверное, никогда не прощу!" – за это не похваляю. Это чувство не христианское и гибельное для души.

Сын Божий, искупивый нас, грешных, на Кресте Голгофском Своими страданиями, в Своей предсмертной молитве взывает ко Отцу Своему за распинателей Своих: "Отче, прости им — не ведают, что творят!" [Лк. 23, 34]. Более того, Он учит: "Любите враги ваши, благословляйте проклинаящих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих и гонящих вас. Да будете сынове Отца вашего Небесного... ибо Он благ и к неблагодарным и злым" [Ср. Мф. 5, 44-45]. И мы с тобою, грешные, нуждаясь в прощении грехов, молимся: Отче наш, Иже еси на небесех. и остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим. Вот видишь, чтобы получить от Господа прощение, впредь надо самому простить. Итак, дорогое дитя мое, прошу и за меня, и за себя – не сердись ни на кого, а тем более на отца Сергия, как не сержусь ни на кого я и всем простил в самый час скорби моей еще 11 июля, и сейчас, как и до самой смерти, буду о них молиться не яко за врагов и обидчиков своих, а яко о благодетелях спасения моего, – да помилует и спасет их Господь. Поступи и ты так же, и воцарится в душе твоей мир и покой, а в этом все счастье человеческое на земле.

"Ибо в мире место Мое", – говорит Господь [Пс. 75, 2]... А то, что совершилось со мною, то это все не по хотению человеков, а по воле Божией – ко

спасению моему, и этой воле Божией я покорен на все виды страданий и смерти, где и какова она ни будь, со словом на устах и в сердце, с каким умер в изгнании святитель Иоанн Златоуст: "Слава Богу за все!"...»²³

«Чадю! Прошу, не огорчайся и не сетуй на Наташу, как не огорчаюсь ни на кого я. Кто весть пути и судьбы Господни? Разве Сыну Божию подал чашу Каиафа или Пилат, или Иуда, предавший Его? Нет, Отец Небесный. Мой долг не судить, а простить всех, всех и за всё. А паче всего искренне молиться за враги. И не яко за враги, а яко за благодетели души моей, и сего и им просить от Господа, взирая на висяща на Кресте Сына Божия, взывающа в Своей молитве ко Отцу Своему: "Отче, прости им – не ведят бо, что творят!"

Простить врагу – святое дело,
Но кто в беде помог врагу –
Вот про того сказать я смело
Как про подвижника могу!

Отцу Сергию скажи: "Если судит Господь живу мне быти и возвратиться, то одной милости буду просить у всего народа – быти ми сторожем святого храма Божия и дома Матери Божией — и только"...»²⁴

«...Да сохранит и укрепит и вас, скорбных, немощных и сирых [Господь]. Жалею вас больше, чем себя. Я уже таковский: скорби, поношения и прочее – это мой удел. Но они – моя мудрость, радость и спасение. Ими хвалюсь, за них благодарю Бога моего паче, чем за все благодеяния жизни моей. Они – очищение грехов моих, они есть лестница моя на Небо, его же, глубоко верю, Господь не лишит меня неизреченным милосердием Своим. Ему слава за все, за все!

Получил покаянное письмо от Наташи, ответил ей всепрощением, и да простит Господь и всех, сотворших мне злая за благая. Слава Богу за все!

23 декабря ст. ст. видел себя во сне стоящим перед иконой Божией Матери (в храме) и воспевал: "Богородицу и Матерь Света в песнях возвеличим!" И пал долу в прах. О, святые, незабвенные мгновения!»²⁵

Самой Наталье он писал: «Мир и спасение от Господа – скорбящей душе твоей, чадю мое Наталия!..

Винить... тебя всецело в предательстве — я этого не мог и не могу допустить в мысли, а по женской немощи болтнуть где-либо и кому-либо — это и ты отрицать не станешь. И ты прекрасно знаешь, что в своих корыстных целях, с тонким слащавым подходом отец Сергей все наматывал себе на ус. Но Бог с ним и со всеми! Я усматриваю в этом только волю Божию и Его святой Промысл, ведущий меня сим путем Голгофским не с митрой на главе и златым крестом на груди, а с тернием на главе, с крестом на плечах...

Искренне в душе простив тебя, отца Сергия и всех-всех, кто явился в этом, так сказать, "орудием" исполнения этой воли Божией, считаю всех не только не врагами, а даже благодетелями спасения моего. Простил еще 11 июля 1949 года. Прощаю и теперь, спасения душ их желая, взирая на Сына Божия, висящего на Кресте Голгофском и в предсмертных Своих тяжких страданиях взывавшего в молитве к Отцу Своему за врагов Своих: "Боже, прости им – не ведят бо, что творят!" [Лк. 23, 34]...

Умоляю: не скорби паче меры, а особенно Боже упаси тебя унывать, ибо уныние есть смерть души... Обо мне не скорби, а молись. Ничего не жалею... ничего не желаю, кроме: да укрепит мя Господь, даруя христианскую кончину

жизни моего и добрый ответ душе моей на Страшном Суде Его! А где это совершится и как, где лягут мои кости – весть Господь, и да будет на это Его святая воля. Ему слава за все, за все и во веки!!! Митры, кресты драгие и славу суетную оставлю честолюбцам.

Земно тебе и всем-всем, даже и ненавидящим мя, купно с отцом Сергием, – кланяюсь, прошу прощения грехов моих вольных и невольных. Господь Бог да простит и всех вас, спасения душам вашим даруя...»²⁶

Начался новый этап жизни исповедника в узах – страданий в устроенном людьми земном аду, но и укрепления надежды на достижение упования вечного, опытом зная о краткости сих земных страданий, верую – о вечности блаженства небесного. Этот период жизни стал периодом тяжелого физического и духовного труда для больного и измученного годами заключений подвижника. Но как раз именно в этих тяжелых обстоятельствах, скорбях и искушениях душа становилась, как небесная птица, свободна.

«Мир душе твоей и здравие телу отечески желаю, родная Любовь! – писал отец Рафаил монахине Любви. – Вчера, в воскресенье вечером... получил неожиданную (от тебя) посылочку, все в целости. Глубоко тронут твоей заботой и несказанно сердечно благодарен. Это от твоей бедности воистину драгоценная лепта вдовицы. Бог да примет ее, якоже ону, и да воздаст тебе сторицею. Но впредь прошу – не лишай себя последних крох ради моей худости. Мне не горестно (но сладко, а паче спасительно) претерпеть все: клевету, глад, изгнание, – страшен только грех, а пред ним и самая смерть чепуха... Обо мне, родная, прошу тебя и всех прочих не скорбеть, но паче молиться; без сего моя жизнь была бы не полна. Это последний аккорд хвалы моей Богу. А Ему слава за все, за все!

Тружусь на древоотделочной фабрике ширпотреба – труд посилен, бытовые условия приличны, а здоровье мое тебе известно, а также аппетит и сон. Очень жду весточки, хочется знать, как вы все поживаете. Чадо ношу в сердце моем пред Господом. Что нового у вас, какие перемены в храме, идет ли ремонт? Сердцем я с вами и у вас. Сердечно благодарю всех послуживших мне трудами, заботами, любовью. Добродетель вечна, бессмертна, она пред Богом ходатаица спасения, помилования... Грешный Рафаил»²⁷.

«Мир ти и спасение от Господа, чадо мое духовное Любовь!

Милое твое письмецо получил, благодарю и отечески рад, что Господь тебя хранит... Отвечаю на твой вопрос... Важно, родная, не то, во что наше бренное тело окутают, кладя его в гроб, в могилу, а то, в какие христианские, а паче иноческие, добродетели облечена будет наша душа для явления пред Лице Судии и Бога, – писал он в ответ на слова монахини о желании облечься в схиму. – Эту святую истину, я думаю, ты и сама знаешь. Я только отечески напоминаю ее тебе. А ты мысленно обозри подвиги не только древних святых отец (из коих некии сияли, аки солнце, в житии своем и подвигах иноческих), но даже нам известных, наших почти современников. О, как мы далеки и ничтожны в сравнении с ними! От них же первый есмь аз!.. [1 Тим. 1, 15]. Чадо!.. Не благоприличнее ли и спасительнее будет нам с тобою умалиться – смириться, смывая покаянной слезой греховные пятна на тех святых одеждах, которых мы удостоены по неизреченной милости Божией. А сердце сокрушенно и смиренно Бог не унижит!.. [Пс. 50, 19].

Ты спрашиваешь, како здравствую, како духовно чувствую... Чадо! Тот, кто во дни своей весны оставил земная и чаях Бога, спасающего его от малодушия и бури (бури страстей, вздымаемых скорогибнущими прелестьями мира сего), – и,

сего бегая, водворихся в пустыни... тот, кто во оной святой пустыни, как никогда и нигде не искал себе чинов и славы суетной, а токмо тишины, мира и спасения, – тот, если милостью Божией нечто и получает и паки тою же волею Божией теряет, жалеть, а тем паче скорбеть, – не может.

Неужели аз, безумный, окаянный, ничтожнейший прах, дерзну просить от Господа к себе большего внимания, чем заслуживал того вселенский вития, украшение Церкви Христовой, ее слава – святой Иоанн Златоустый, окончивший дни свои в изгнании? Да не будет!.. Но свое пребывание под спудом, свое унижение и скорби не променяю ни на какие суетные радости, а свою умиленную, покаянную и радостную слезу – ни на какие чины, славу и сокровища мира сего. Но пою, славлю и благодарю за все Бога моего, взывая купно со святым мучеником Евстратием: "телесныя бо страдания, Спасе, веселие суть рабам Твоим!.." * Грешный Рафаил»²⁸.

10 ноября 1951 года отец Рафаил писал духовной дочери: «В ночь под 10-е нового стиля во сне сладко-пресладко воспевал: "Величай, величай, душе моя, Честнейшую и Славнейшую горних воинств Деву Пречистую Богородицу!" И слышу глас некоего духовного мужа: "Аще хочещи спастися – возлюби страдания!"

Чадо Любовь, слышишь! – Не только терпи, но возлюби страдания.

Господи, ниспосли всеильную благодатную помощь Твою нам, немощным, возлюбити Тя такую жертвенную любовь, с какою святые мученики шли, радуясь, на все виды мучений и смерть для получения вечной жизни во Царствии Твоем... Живу верою и упованием, яко да не до конца отринул мя Господь, но дарует мне радость увидеть всех вас, вознести свое убогое благодарение за вся, яже сотвори мне Господь купно с вами в доме Царицы Небесной...

Прошлую ночь видел себя во сне в некоем величественном алтаре, в котором стояли игумен Пантелеимон ** и старец Макарий (Чиликин). Нужно было священнослужителю возглашать "Слава Тебе, показавшему нам свет!" У Святого Престола никого не оказалось и повелением кого-то аз, грешный, увидел себя предстояша и воздевша свои недостойные руцы, сладце возгласивше: "Слава Творцу, озарившему нас Светом!"»²⁹.

После смерти в марте 1953 года гонителя христиан тирана Сталина верующие направили властям ходатайство об освобождении отца Рафаила, очень надеясь, что за абсолютной своей невиновностью он будет освобожден.

16 ноября 1953 года бывшая староста Наталья Александрова направила заявление в Верховный Совет. «Прошу Верховный Совет, – писала она, – ответить на заявление православных верующих города Козельска Калужской области... Просим вашего ходатайства освободить нашего священника Шейченко Родиона Ивановича по старости, ему шестьдесят три года, инвалид. Со стороны областного уполномоченного... нанесена на него ложь и клевета, я подтверждаю своей подписью, а если потребуется, я все могу объяснить»³⁰.

В ответ на благие чаяния многих близких ему духовных детей отец Рафаил 12 августа 1954 года писал: «Чадо мое Любовь, многоболезненное и многоскорбное. Мир душе твоей и спасение от Господа!

Много я виноват пред тобою своим молчанием долгим, виноват и многим другим. Прошу прощения! Но виною всему не моя леность. В последнее время многи недуги одержали мя, а к сему и неопределенность моего положения. Что

* Предсмертная молитва святого мученика Евстратия, читаемая на полунощнице субботней.

** Преподобномученик Пантелеимон (в миру Павел Тимофеевич Аржаных); память 16/29 ноября.

же я могу писать тебе и другим? Описывать свои телесные немощи? У тебя, как и у других, своих хватает. Писать о своих скорбях? – и этого у всех вас хоть отбавляй. А порадовать вас – нечем. К тому же я знаю, что вы часто поглядываете в окна – ждете моего прихода. А я наперед скажу, что такой хлам, как я, не порадует вас. Чадо дорогое, чадо скорбное, мать Любовь! Вооружимся крепкой верой, что тако угодно Господу, и всецело покоримся смиренно под крепкую руку Его. Только в этом обретем мир душе своей, в чаянии милости от Господа, вся устрояющего во благо и спасение душ наших.

Да не умолкнут уста наша до предсмертного вздоха взывать: Слава Богу за все!»³¹

«Детка Любовь! Мир ти!

Благодарю тебя за праздничное приветствие. Верю и знаю, что с большим трудом дается тебе это писание при твоей немощи. Спаси и укрепи тебя Господи!..

Особенно благодарю тебя за святые молитвы к Царице Небесной, в чем я паче всего имею нужду. Присылать чего-либо ты не вздумай, ты сама-то сиромаха-бедолага. Подкрепляй себя, да менее горься о мне, я теперь уж никудышен. Мне-то и осталось одно место на земле – сидеть под елкой за деда-мороза или лежать под ней прахом-костями.

Радуюсь за тебя и за всех, кого Господь хранит. Благодарите Его, что имеете место душевного успокоения, место молитвы, а главное, место покаяния, очищения грехов своих и место спасения – это святой храм Божий. Стремитесь, ратуйте, да и вы все сподобитесь, по слову святого апостола Павла, быть храмами Бога Всевышнего и ибо Дух Святой живет в вас... [1 Кор. 3, 16]»³².

«Мир ти и спасение от Господа, честная мати и чадо мое Любовь!..

Тебя тяготит порой одиночество. Знай, родная, что в моих условиях самое тяжкое – это "принудительное сожительство", как отзывался Достоевский о своем пребывании в "таких же местах".

Мы здесь, 40-60 человек, как в улье пчелы; добавь к сему игры, ругань, споры, зависть, озлобленность и многое другое – до потери человечности. Поверь, что жизнь в лесу, в пещере была бы для меня отблеск Рая на земле. Но надо терпеть, смиряться и паче благодарить Господа, спасающа мя грешнаго...»³³

«Мир и спасение от Господа, чадо мое Любовь!.. – писал отец Рафаил монахине Любви 20 мая 1955 года. – Давно не писал тебе, потому что переезжал опять на новое место. Такова моя жизнь: не имати зде пребывающего града, да взыщу грядущего, по слову святого Апостола [Евр. 13, 14]. Из Кирова выехал (по случаю ликвидации колонии) в Великую Среду. Праздник Светлого Христова Воскресения встречал за замком и решеткой центральной пересылки в жуткой обстановке и в еще более жуткой человеческой среде, одних – не познавших благодатной радости светоносных пасхальных дней, других – утративших это святое животворное чувство, а порой как тех, так и других, теряющих образ не только Божий, но и человеческий.

Но непреложна истина, что с Господом в душе и сердце и во аде – Рай. Ибо Воскресый из мертвых Сын Божий, осветивый блистанием Своего Божества мрачные юдоли ада преисподняго, праотцем и всем праведным душам избавление даровавый, милостию Своею ниспослал и мне, грешному, в скорби сущу, Свое благодатное пасхально-светоносное утешение, перед которым все сокровища земли и утечи мира сего – меньше чем ничто! О, коль многая множества благодати Твоя, Господи, юже скрыл еси боящимся Тебе!.. [Пс. 30, 20].

В 12 часов ночи, прославив купно со всеми вами Воскресшего Господа, я из сей дали радостно приветствовал всех вас, яко во оно время стоящих во святом храме, всеторжественным пасхальным восклицанием: "Христос воскрес!" И чуяли сердце и душа моя отклик душ ваших: "Воистину воскрес!"

На место новое приехал 20 апреля нового стилия. Устал неимоверно – не только в тягость узел и палка, с которой не расстаюсь, но даже и брненное, грешное тело. Кто даст ми криле, яко голубине, да полещу и почию [Пс. 54, 7] в Господе и только для Господа!..

На днях видел себя во сне в подобающем иноческом виде повержена долу пред могилочками честных оптинских старцев-отцов, сокрушенно молился, умиленно лобызал надгробия их.

Проснулся, зело радуясь, – Господи, пробави милость Твою на мне, грешнем! Не отреси мя, отрока Своего последня, от оной святой дружины! И их молитвенным заступлением спасение ми даруй!..»³⁴

Все хлопоты верующих об освобождении отца Рафаила остались бесплодными. 30 августа 1954 года Центральная Комиссия по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселении, оставила приговор в силе, отказав просителям, так как, несмотря на репрессии, священник не отказался от своих религиозных убеждений и в случае досрочного освобождения намеревался заняться активной церковной деятельностью.

Отец Рафаил был освобожден только в 1955 году, после того, как началось массовое освобождение из лагерей по неправосудным приговорам. 5 октября 1955 года епископ Калужский Онисифор (Пономарев) назначил иеромонаха Рафаила вторым священником в Благовещенскую церковь в Козельске, где настоятелем оставался Сергей Шумилин. Труднее испытание сложно было сыскать: от предателя – под начало предателя, от иуды – снова за один стол с иудой; только подлинное евангельское незлобие, благочестие и верность Христу могли сохранить в мире душу, оградив ее Божественною благодатью.

Вернулся из заключения отец Рафаил физически еще более слабым и больным, но еще более горящим духом, нежели раньше; перенесенные им в лагере страдания приблизили его ко Господу, сделав его сосудом Духа Святого, так что главное, что чувствовал человек, сколько-нибудь способный к восприятию духовного, когда соприкасался с ним, – это была великая христианская любовь подвижника ко всем, незаметная для внешних в своем христианском смирении, но проникающая и исцеляющая страждущую душу всякого стремящегося ко спасению. Сидя рядом со старцем – молчит ли он или говорит, человек чувствовал, что ему уже некуда торопиться, он близок к пристани и покою, к вечности в Царстве Божиим, когда на ум само собой приходит Петрово возгласение: «Хорошо нам здесь быть...» Душа отца Рафаила была наполнена благодатью этого Царства и вкушала начатки непреходящей радости, ибо, пройдя долгий путь страданий и исповедничества, он распял телесное и получил духовное.

Страдания научили его глубокому состраданию людям. Он любил и почитал нищих, сам исполнял заповедь Апостола [Гал. 2, 10] и завещал это своим духовным детям. Каждое воскресенье он приглашал нищих к себе на чай. Однажды он велел напоить некую нищую чаем в день ее Ангела. А нищая была слепой и не могла даже дойти самостоятельно, тем доставляя другим хлопоты, и тогда одна из духовных дочерей отца Рафаила с упреком сказала: «Да ну,

батюшка, очень уж это нужный товар!» И отец Рафаил на это убежденно сказал: «Это самый нужный товар!»

Иеромонах Рафаил совершает Великое освящение воды на Богоявление

Иеромонах Рафаил старался служить в Благовещенском храме как можно чаще и никому не отказывал в исполнении треб, хотя это было порой для него физически крайне утомительно, особенно когда приходилось в дни ненастья ходить на кладбище и служить по заказу родственников почивших панихиды; он безотказно принимал страждущих, духовно изголодавшихся в обезбоженном мире людей, которые в конце концов стали съезжаться к нему со всей страны.

Елизавета Булгакова, духовная дочь протоиерея Сергия Мечева^{*}, в 1956 году решила посетить Оптиную пустынь, в которой она была, когда ей было всего девять лет, и помолиться на могилках старцев, ища утешения в постигших ее в последние годы скорбях. Подходя к Оптиной, она горячо молилась, но когда вошла в ограду разрушенного монастыря, ее охватило чувство печали и даже уныния, и она вдруг совсем перестала осознавать, что перед ней напоенная молитвами старцев Оптина пустынь, в земле которой почивают мощи святых угодников Божиих. Но все же она прочла панихиду и, уже приняв решение отправиться домой в Москву, пошла по дороге, ведущей в Козельск, когда увидела идущих ей навстречу трех монахинь; поравнявшись с ними, она их спросила:

– Вы матушки? В Оптину идете? Можно я пойду с вами?

– Что же, пойдёмте – где двое или трое собраны, там и Христос посреди, – ответила одна из них.

Елизавета снова, уже вместе с монахинями вошла в пределы разрушенного монастыря и помолится на могилках старцев. Возвращаясь в Козельск, монахини выяснили, что их спутнице некуда деться, знакомых у нее в городе нет, и они предложили ей зайти к отцу Рафаилу и взять благословение. Елизавета ничего тогда не знала о нем и не верила, что в ком-то мог сохраниться дух Оптиной, но она надеялась получить облегчение в своих тяжких недугах от почивших старцев, – и почившие в Боге старцы послали ее к своему живому преемнику; она это поняла далеко не сразу: поглощенный своими заботами и тревогами человек зачастую не сразу улавливает связь между миром горним

^{*} Священномученик Сергей (Мечев); память 24 декабря/6 января

и дольним. Узнав, что Елизавета была духовной дочерью священника Сергия Мечева и архимандрита Бориса (Холчева), с которым отец Рафаил познакомился в Оптиной и встречался в концлагере, он сказал: «Чувствуйте себя, как у отца».

Елизавета исповедалась, и отец Рафаил, прочитав разрешительную молитву, сказал: «К тому, что ты пришла ко мне, нельзя относиться как к простому случаю. Это особый Промысл Божий. Божия Матерь и старцы оптинские привели тебя ко мне... »

Иеромонах Рафаил около храма. 1957 год

Впоследствии она вспоминала: «Я сказала только свои грехи, и вот я получила именно то, что душе было нужно. Этот человек, не зная меня, дал мне именно то, в чем была нужда. Была живая рана – и вот ее нет, она ушла в прошлое. То, как я к нему попала, было совершено помимо меня. У меня не было ни одной мысли об этом даже в самой глубине... до самой последней минуты. И когда это получилось, мне стало страшно. Я почувствовала ясно, что это мне ответ оптинских старцев...

Я не умею передать, как хорошо было около отца Рафаила. Такой любви и простоты я не встречала во всю мою жизнь. Я чувствовала, словно после всей жизни, тяжелых скитаний я попала домой не к отцу, нет – к бабушке ласковой, всю жизнь любившей и ждавшей меня.

Это не опишешь, это можно только ощутить, а слов нет для этого. Я не рвалась к нему, мне и на расстоянии от него было хорошо, так согрета была моя душа, – мне достаточно было того, что он существует.

Конечно, о том, что он так скоро уйдет, у меня не было ни малейшей мысли. Я думала, что все впереди, что это только начало новой жизни»³⁵.

Весна 1957 года выдалась холодная и затяжная. Хотя отец Рафаил чувствовал себя физически нездоровым, он нудил себя часто служить и принимал всех приходящих. В Троицкую родительскую субботу, 8 июня, он дотемна пробыл на кладбище: люди просили его отслужить еще и еще одну панихиду, всем хотелось, чтобы именно этот смиренный подвижник помолился за их умерших

сродников. И он, призванный к высокому церковному служению, по любви к людям никому не отказывал; он уже привык к самоограничению, к крайнему самоотречению – одним словом, к подвигу, который совершался уже почти незаметно для него самого. И беда, когда у такого самоотверженного пастыря не найдется человека, который бы вовремя заметил, что всеми любимый батюшка давно превысил меру сил человеческих и тяжело заболел. Вечером, когда отец Рафаил вернулся домой, стало ясно, что он болен воспалением легких.

Елизавета Булгакова в очередной раз приехала к нему, когда он уже болел третий день. В девятом часу вечера она добралась до его домика. Войдя, Елизавета увидела, что отец Рафаил лежит на кровати, обложенный по настоянию бывшего монастырского фельдшера компрессами. Отец Рафаил, обрадовавшись Елизавете, сказал: «Я тебе письмо написал – возьми его».

На столе перед ним лежали две открытки, на одной из них было написано: «Лиза, я тяжело болен, приезжай за мной ухаживать». Отец Рафаил вновь повторил:

– Возьми ее.

– Батюшка, да я уже приехала, — возразила она. На это отец Рафаил в третий раз повторил:

– Возьми ее.

Елизавета снова начала возражать:

– Ведь я уже тут, зачем же брать, когда я уже приехала, — и не взяла открытку.

В это время пришла женщина проводить ее в дом, где ей и ее больной спутнице предстояло жить. Прощаясь, отец Рафаил сказал:

– Устрой свою больную и поскорей вернись ко мне. Елизавета задержалась, и когда подошла к дверям кельи старца, то услышала слова молитвы «неужели мне одр сей гроб будет...», но не осознала их глубокого и буквального смысла, а лишь подумала, что это заканчивают читать вечернее правило, постеснялась войти и ушла. Утром, вместо того чтобы поторопиться к отцу Рафаилу и выполнить его просьбу – прийти к нему тотчас – ею вчера так и не исполненную, она пошла на могилы оптинских старцев и только потом к больному. В то мгновение, когда она входила в дом, с отцом Рафаилом произошел инсульт – у него парализовало правую сторону тела и отнялась речь. Весть об этом разнеслась мгновенно – и все близкие бросились с ним прощаться. Елизавета предложила позвать врача, но ей на это ответили решительным отказом, так как многие были убеждены, что советский врач не только не будет лечить священника, но обязательно ему навредит.

Состояние здоровья отца Рафаила быстро ухудшалось. Пришедший настоятель Сергей Шумилин причастил и пособоровал его. Елизавета ничем не смогла доказать, что старец сам вызвал ее за ним ухаживать, она бросилась искать открытку к ней отца Рафаила – но ее уже не было. Понимая, что она ищет и как переживает, что не может найти, отец Рафаил жестом подозвал ее к себе. Она встала на колени перед кроватью, он левой рукой притянул ее голову, крепко прижал к груди и поцеловал. Приготовленный страданиями воспринимать все как Промысл Божий и не настаивать ради себя на своем, он прощал всех, никого не осуждал, всех любя истинно христианской любовью.

Вскоре Елизавете вообще запретили посещать отца Рафаила, распространив слух, что она приехала будто бы похитить какие-то ценные вещи. Елизавета

отправилась к иеромонаху Мелетию*, чтобы тот благословил позвать к отцу Рафаилу хорошего врача, но тот ответил, что ничего нельзя сделать без благословения настоятеля Сергия Шумилина. Она обратилась к отцу Сергию, но тот тянул и откладывал столько, что всякая врачебная помощь стала уже запоздалой.

После того как отец Рафаил потерял дар речи, состояние его здоровья стало стремительно ухудшаться, и 19 июня 1957 года он скончался.

Похороны иеромонаха Рафаила

Оказавшись слишком внезапной, кончина старца потрясла многих. Когда отца Рафаила хоронили, то гроб с его телом почти в течение целого дня двигался от дома до кладбища, столько людей хотело проститься со старцем; люди, совершенно, казалось бы, незнакомые, останавливались на улице, пораженные необычным настроением людей, идущих в процессии, и, когда узнавали, что это несут отца Рафаила, присоединялись к ним, так как для многих он был благотворителем, помощником и молитвенником, тихим, смиренным и нежным, как мать, заступником пред Богом и в то же время порывистым, категоричным и строгим в вопросах, в религиозном и нравственном отношении принципиальных, великий своим исповедническим подвигом и верностью Матери Церкви и ее главе Христу.

Иеромонах Рафаил был погребен на старом кладбище в городе Козельске. Но подвиг исповедника и пастыря не укрылся от Церкви – его имя включено в Собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания. 22 июня 2005 года по благословению Святейшего Патриарха Алексия II были обретены мощи преподобноисповедника Рафаила, которые ныне находятся в Преображенском храме Оптиной пустыни.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Июнь».
Тверь. 2008. С. 34-72

* Бармину

Библиография

Альманах «Надежда». 1989. № 15.

Павел Судоплатов. Спецоперации Лубянка и Кремль 1930-1950 годы. М., 2003.

Путь на небо – через Голгофу. Оптинский старец Рафаил (Шейченко). Воспоминания. Письма. М., 2005.

Оптина Пустынь. Годы гонений. Жития новомучеников и исповедников. Книга 1. Составитель игумен Дамаскин (Орловский). Свято-Введенская Оптиная Пустынь, 2007.

Реутов православный. № 1 (12) февраль 2007.

Оптинский альманах. № 1. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная Пустынь, 2007.

Государственный архив документов новейшей истории Калужской обл. Ф. П-55, оп. 8, д. 466, л. 4, 21, 27-28, 30, 39; д. 594, л. 34, 43, 93; д. 729, л. 22.

ГАРФ. Ф. 6991, оп. 1, д. 182, д. 327.

АОП. Фонд новомучеников и исповедников.

УФСБ России по Калужской обл. Д. П-13910, д. П-13573.

ИЦ МВД Московской обл. Д. СО-32909.

Примечания

¹ АОП. Фонд новомучеников и исповедников.

² В течение месяца власти произвели расследование обстоятельств возмущения крестьян. «...в 10-11 часов дня, – писалось в документах расследования, – милиционер Чиненков, производя обход базара и проверяя разрешение у крестьян, торгующих мясом, на право убоя скота, остановился возле повозки гражданина деревни Богородицкой Перемышльского района Калужского округа Свирина Н. и потребовал у него предъявить разрешение сельсовета об убое коровы на мясо... Когда же Свирина сказал, что убой коровы ему разрешил председатель сельсовета, который находится здесь же, на базаре, и милиционер может получить от него лично справку... милиционер Чиненков справился у гражданина, которого Свирина назвал председателем сельсовета... и когда этот гражданин подтвердил слова Свирина, милиционер потребовал от него документы, удостоверяющие, что он председатель сельсовета, но последний их не имел; после этого милиционер предложил Свирину следовать за ним в управление милиции для составления протокола, Свирина категорически отказался; тогда завязался между ними спор, и, так как Свирина ни в коем случае не соглашался идти в управление милиции... милиционер взял его за руку и попытался, применяя физическое воздействие, все же отвести его в милицию. Тогда Свирина стал оказывать сопротивление... милиционер дал свисток, Свирина поднял крик. На помощь милиционеру Чиненкову подошла милиционер Кочергина, и когда они снова попытались повести Свирина в милицию, грубо действуя по отношению к нему, то здесь же быстро собралась большая масса присутствующих на базаре крестьян, окружив милиционеров и Свирина... Милиционеры... не учитывая складывающейся обстановки... пытались отвести Свирина в управление милиции...

Собравшаяся масса крестьян, выражая совершенно законное недовольство грубыми действиями милиционеров, стала требовать наказания их.

Начальник раймилиции, который узнал о происходящих событиях... прибыл к месту. Учтя складывающуюся обстановку, он здесь же отозвал милиционеров и приказал освободить Свирина... Недовольство крестьян усиливалось, и достаточно было появиться на базаре агенту УРО Архипову в штатской одежде, который шел со станции и ничего не подозревал о событиях, как недовольство стало переходить в открытые действия, крестьяне сразу же окружили Архипова и... стали кричать: "Пришел шпионить, бей его". Архипов растерялся, произвел вверх два выстрела, это еще больше возбудило недовольство крестьян и дало пищу классово-враждебному элементу. Архипов бросился бежать к зданию милиции...

Значительная же часть парторганизации работников райкома, РИКа, органов милиции, вместо того чтобы принять меры к тому, чтобы рассеять толпу, поведя разъяснительную работу, растерялись, ударились в панику, пойдя по линии главным образом административных мер, и тем самым осложнили обстановку. Работники милиции вызвали дежурный взвод красноармейцев, замсекретаря райкома ВКП(б) позвонил в штаб полка... прося принять меры и оказать помощь,

комендант города по телефону передал в окр<ужной> адм<инистративный> отдел панические сведения...

В результате растерянности организации возле милиции собралось 700-1000 крестьян и стали требовать расправы с милицией, делая возгласы: "на беззаконие ответим беззаконием"; но через несколько времени в милицию прибыл председатель РИКа с тем, чтобы убедить крестьян в том, что со стороны РИКа будут приняты меры к виновным, и просил разойтись. Первоначально толпа не давала говорить ему, затем утихла. В это время к зданию милиции прибыло отделение красноармейцев около одиннадцати человек, построившись шеренгой около здания милиции, что снова вызвало усиленное возбуждение – недовольство крестьян... Раздались выкрики: "Так вот вы как нас хотите успокаивать вооруженной силой, как и раньше при царе", а некоторые из крестьян обратились к красноармейцам с такими словами: "Товарищи красноармейцы, неужели вы будете своих отцов стрелять?" После этого красноармейцы были удалены, председатель РИКа снова призвал к порядку собравшихся крестьян, сделал разъяснение, и при помощи... партийцев и комсомольцев крестьяне были успокоены и разошлись от здания адм<инистративного> отдела...

Основной причиной событий на базаре являются массовые перегибы партлинии по отношению к середняку, допущенные парторганизацией и соворганами в момент проведения хлебозаготовок, самообложения, займа, коллективизации сельского хозяйства и лесозаготовок, выражающиеся в незаконных арестах бедняков и середняков, в массовом привлечении их к уголовной и административной ответственности, вплоть до полных селений, медлительность, а в ряде случаев упорствования с исправлением допущенных ошибок и ликвидации последствий их...

Большое количество лишенцев (больше тысячи человек), монахов, торговцев, малочисленность пролетарской прослойки и в целом мещанско-обывательская среда Козельска... создают такие условия, которые мог с успехом использовать классовый враг, и поскольку Козельск является торговым центром, то еженедельно в город собираются большие массы крестьян... Наряду с торговлей усиленно проводят агитационную работу против политики партии и соввласти. И всякие недовольства, проявляемые со стороны бедноты и середняков, классовый враг использует... Недовольство крестьян, вызванное грубыми и нетактичными действиями милиционеров, было использовано классовым врагом; о том, что эта демонстрация подготавливалась кулаками и торговцами заранее – сказать нельзя, данных для такого утверждения не имеется, и даже наоборот: судя по ходу развивающихся событий, классовый враг, проводя усиленно агитацию против политики партии и соввласти, данный конкретный случай использовал только в результате его появления...» (АОП. Фонд новомучеников и исповедников.)

В результате этих расследований стало ясно, что монахи, живущие в Козельске, не причастны к беспорядкам. Все случилось, как это часто бывает, в результате действий самих властей. Но власти, воспользовались случившимся и обвинили в подготовке и организации возмущения ту часть народа, которую они считали наиболее развитой, сознательной и могущей выработать и передать другим свое суждение об окружающей действительности – монахов, торговцев и независимых зажиточных крестьян. Спустя два с половиной месяца после расследования ОГПУ приступило к арестам потенциальных врагов.

³ УФСБ России по Калужской обл. Д. П-13910, л. 440.

⁴ Там же. Л. 468.

⁵ Там же. Л. 525.

⁶ «...Мне не радость сулит эта жизнь на земле –
Я решил ведь идти за Тобою,
И в награду за то, что служил я Тебе,
Мир покроет меня клеветою.
Но во имя Твое все готов я терпеть –
Хоть сплошное ненастье найду.
За Тебя, мой Господь, я готов умереть,
За Тебя на страданье пойду.
Мир не понял меня и над скорбью святой,
Что в своей затаил я груди,
Посмеется шутя и, смеясь над Тобой,
Приготовит мне крест впереди.
Но готов я служить всей душою Тебе –
Пусть враги мне друзья все мои;
Утиши мою скорбь, мир усталой душе

Ниспосли в наши тяжкие дни.
Пусть осудят меня и не будет друзей,
Я с Тобюю останусь всегда, –
Только будь неразлучен с душою моею,
Помоги выпить чашу до дна.
Я отраду нашел у Креста Твоего,
Я уж в мире от мира ушел,
Мой душевный покой, все отдал за него,
Но зато ведь Тебя я нашел.
Не слезами, а кровью все раны Твои,
Мой Спаситель, готов я омыть:
Я молю – пусть настанут же дни,
Чтоб и жизнь за Тебя положить».

(ИЦ МВД Московской обл. Д. СО-32909, л. 4-5. (Ср. Мученица Татиана (Гримблит). Стихотворения. М., 2006. С. 85-86.)

⁷ УФСБ России по Калужской обл. Д. П-13910, л. 2.

⁸ Там же. Л. 53.

⁹ АОП. Фонд новомучеников и исповедников.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Архиепископ Василий (Василий Михайлович Ратмиров) родился в 1887 году в ст.Нововеличковской Екатеринодарской губ. В 1908 году окончил Ставропольскую Духовную семинарию и в 1909 году рукоположен во священника. Служил священником в г.Ейске в 1918-1920 годах, в то время, когда эта территория была занята белыми. После прихода сюда большевиков стал тесно сотрудничать с органами ГПУ. В 1921 году хиротонисан, по его словам, не подтвержденным пока никакими документами, во епископа Ейского, викария Ставропольской епархии. В 1922 году женился и перешел к обновленцам и был назначен ими «архиепископом» Армавирским и Майкопским, а в 1935 году – «митрополитом» Курским, и на этом посту немало принес зла православным. Он, впрочем, не скрывал своего безбожества, ходил по Курску «бритым, в гражданском костюме, с папиросой в зубах... с женой под ручку, не только по городу, но и в церковь» (ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 7, д. 22, л. 9).

В 1938 году Ратмиров был назначен управляющим делами и завхозом обновленческого Синода; жил он в одном доме с первоиерархом обновленцев «митрополитом» Виталием Введенским. В начале июля 1938 года НКВД стал арестовывать и верных властям обновленцев, которые на допросах оговорили Ратмирова, и 22 июля он был неожиданно для себя арестован и 31 июля вызван на допрос. Он объяснился со следователями, и на следующий день дело было прекращено; 2 августа начальник 4-го отдела 1-го управления НКВД направил начальнику 4-го отдела УНКВД по МО служебную записку: «Просим освободить из-под стражи Ратмирова Василия Михайловича. Ратмиров наш агент» (ГАРФ. Ф. 10035, д. П-4962, л. 24).

В 1939 году Ратмиров снял сан и поступил в советское учреждение бухгалтером. С началом Великой Отечественной войны НКВД вновь привлек его к работе, и 17 июля 1941 года, по согласованию с Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским), он был назначен епископом Житомирским. (Павел Судоплатов. Спецоперации Лубянка и Кремль 1930-1950 годы. М., 2003. С. 251).

Житомир к этому времени был захвачен немцами, и 27 августа 1941 года епископ Василий получил назначение в Калинин, где занимался во время оккупации города немецкими войсками внедрением в церковную среду под видом священнослужителей сотрудников НКВД. В 1942 году митрополит Сергей возвел его в сан архиепископа, а в 1943-м — назначил архиепископом Калининским и Смоленским. Архиепископ Василий занимался приемом в клир людей, бывших в оккупации, выдавая некоторым из них за определенную мзду, без рукоположения, справки, что они направляются в те или иные приходы священниками. 30 декабря 1946 года он был уволен на покой по болезни. (ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 7, д. 22, л. 16.) «По приказу Сталина... после войны был награжден золотыми часами и медалью... руководившие его работой и находившиеся вместе с ним в немецком тылу под видом священнослужителей... офицеры... получили боевые ордена». (Павел Судоплатов. Спецоперации Лубянка и Кремль 1930-1950 годы. М., 2003. С. 252-253.)

¹³ ГАКО. Ф. Р-3501, оп. 1, д. 319, л. 13.

- ¹⁴ Калужское епархиальное управление. Личное дело протоиерея Сергия Георгиевича Шуმიлина.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 327, л. 22.
- ¹⁶ Там же. Д. 486, л. 24-25.
- ¹⁷ Там же. Л. 43.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. Р-3501, оп. 1, д. 317, л. 19.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 486, л. 18.
- ²⁰ УФСБ России по Калужской обл. Д. П-13573, л. 92.
- ²¹ АОП. Фонд новомучеников и исповедников.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Путь на небо – через Голгофу. Оптинский старец Рафаил (Шейченко). Воспоминания. Письма. М., 2005. С. 50.
- ²⁸ Там же. С. 54-56.
- ²⁹ АОП. Фонд новомучеников и исповедников.
- ³⁰ ГАКО. Ф. Р-3501, оп. 1, д. 317, л. 24.
- ³¹ АОП. Фонд новомучеников и исповедников.
- ³² Там же.
- ³³ Путь на небо – через Голгофу. Оптинский старец Рафаил (Шейченко). Воспоминания. Письма. М., 2005. С. 53.
- ³⁴ Там же. С. 59-63.
- ³⁵ Альманах «Надежда». 1989. № 15. С. 197-198, 202.